

ПОСТГУМАНИТАРНАЯ ПЕРСПЕКТИВА В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ТЕОРЕТИЗИРОВАНИИ

Проблематизируются современные теоретические перспективы, задающие тональность дискуссий, идущих в гуманитаристике и социальных науках. Исследуется смещение интерпретационных рамок в связи с конвенционализацией конструктивистско-интерпретативной парадигмы, оживлением онтологической проблематики, возникновением ряда теоретических попыток определить стратегии выхода из методологического кризиса общественных наук. Предметом рассмотрения статьи являются методологические аспекты некоторых авангардных подходов, сосредоточенных на конституировании принципиально новых фокусов теоретизирования, исследовательских оптик, путей обновления знания: концепции Б. Латура, Дж. Урри, М. Де Ланды, Р. Нагерестани.

Ключевые слова: интерпретативно-конструктивистская парадигма, новый материализм, новый эмпиризм, ингуманистическое просвещение, постгуманитаристика, эмпатическая утопия, многовидовая гуманитаристика.

ПОСТГУМАНІТАРНА ПЕРСПЕКТИВА В СОЦІОЛОГІЧНОМУ ТЕОРЕТИЗУВАННІ

Проблематизуються сучасні теоретичні перспективи, що задають тональність дискусій в гуманітаристичі та соціальних науках. Досліджується зміщення інтерпретаційних рамок у зв'язку з конвенціоналізацією конструктивістсько-інтерпретативної парадигми, пожвавленням онтологічної проблематики, виникненням низки теоретичних спроб визначити стратегії виходу з методологічної кризи суспільних наук. Предметом розгляду статті є методологічні аспекти деяких авангардних підходів, зосереджених на конституюванні принципово нових фокусів теоретизування, дослідницьких оптик, шляхів оновлення знання: концепції Б. Латур, Дж. Уррі, М. Де Ланди, Р. Негарестані.

Ключові слова: новий матеріалізм, новий емпіризм, інгуманістичне просвітництво, постгуманітаристика, емпатична утопія, багатовидова гуманітаристика.

THE POST-HUMANITARIAN PROSPECT IN THE SOCIOLOGICAL THEORIZING

The contemporary theoretical perspectives, that set the tone of the discussions taking place in the humanities and social sciences are problematized. The displacement of interpretive framework in connection with the conventionalization of the interpretive-constructivist paradigm, the revival of the ontological perspective, the emergence of a number of theoretical attempts to define an exit strategy from the methodological crisis in the social sciences are studied. Subject to review in article are methodological aspects of some avant-garde approaches that focus on the fundamentally new tricks theorizing and research optics constitution, the ways to update knowledge: concepts of B. Latour, D. Urri, M. De Landa, R. Negarestani.

Keywords: interpretive-constructivist paradigm, the new materialism, the new empiricism, inhumanism, post humanities, empathic utopia, multispecies humanities.

Определивший программу социологических проектов середины XX века «дискурсивный поворот» предполагал разработку коммуникативной рациональности, – анализ текстов и дискурсов, конституирующих порядки социальных коммуникаций между акторами, реализующими разные жизненные стратегии в социальных практиках. Конвенционализация интерпретативно-конструктивистской парадигмы, сближение общественных и естественных наук, появление «реалистических тенденций», связанных с «новым материализмом» и «новым эмпиризмом» [1] – все эти изменения маркируют смещение интерпретационных рамок, происходящее в современной социологической теории.

Актуальность данной статьи обеспечена тем, что проблема содержательного обобщения направлений, фокусов дискуссий, особенностей функционирования концептов и идей, задающих современный интеллектуальный ландшафт, стала в контексте изменений теоретико-методологических оснований социологической дисциплины одной из наиболее острых. На смену «антиреализму» постмодернистских программ приходит новая парадигма исследований, представленная новыми «реалистическими» тенденциями. Преодоление прежней установки видится концептуализацией материальных объектов, «не-человеческих» акторов, связей человека со средой, вещами, животными. Вновь проблематизируются различия органическое – неорганическое, природы – культуры, субъектной и несубъектной интенциональности. Классические материализмы (в том числе диалектические) или реализмы не могут выступать в качестве валидных интеллектуальных решений. Но и конструктивистская максима не обеспечивает удовлетворительных результатов. Д. Кул, С. Фрист пишут: «Доминирующая конструктивистская ориентация в социальном анализе является неадекватной для мышления о материи, материальности и политики способом, который отдал бы должное современному контексту биополитики и глобальной политической экономики. Тогда как мы принимаем, что радикальный конструктивизм сделал существенный вклад в понимание работы власти, мы также свидетели того, что «аллергия» на реальное, характерная для его лингвистических и дискурсивных форм имела своим следствием отворачивание критических исследователей от эмпирических форм исследования, что требуют материальные процессы и структуры» [2, р.6].

Степень разработанности проблемы не может считаться достаточной. Ее непосредственному изучению посвящено сравнительно мало исследований. При этом в выборе перспективы доминируют либо исключительно эпистемологические критерии, либо профессиональные критерии, связанные с анализом изменений, происходящих в сфере заказа или востребования социологического знания, применяются также и компаративистские подходы. Можно упомянуть работы по компаративистике постгуманитарных подходов Е. Доманской, О. Столяровой, В. Вахштайна, О. Хархордина, Б. Латура и других исследователей, на результаты которых мы будем ссылаться. Имена отечественных исследователей автору не известны.

Целью исследования является рассмотрение теоретических аспектов, которыми конституирована постгуманиатрная парадигма; проследить процессы изменений в современных мыслительных установках; определить ключевые моменты процесса трансформации теоретических моделей, в которых можно зафиксировать оформление новой парадигмы.

Объектом исследования статьи является интеллектуальное творчество современных теоретиков – публикации, изданные в разные годы.

Предметом рассмотрения являются принципиальные методологические позиции, заявляемые данными подходами.

Современная теория, – утверждают исследователи, – требует привлечения локальных знаний. Политика локальных знаний может служить и ответом релятивизму или цинизму, присутствующему в постмодернистских позициях. Исследовательница Д. Харауэй пишет: «Мы должны учиться через наши тела, наделенные цветным и стереоскопическим видением, соединять объективность с нашими теоретическими и политическими сканнерами и называть то, где мы находимся, а где – нет (а это такие измерения пространства, для которого у нас даже нет слов). Так <...> объективность оказывается связанной с особым и специфическим воплощением (embodiment), а вовсе не с ложным видением, обещающим трансцендирование любых пределов и любой ответственности» [3, р.13] Другие исследователи фиксируют, что после длительного периода тотализации деконструктивистских методов, возможно оживление проектов по созданию «большой теории», подчёркивая при этом, что конституирование её происходит совершенно иначе, чем в минувшие времена: она складывается совместными усилиями большой группы людей. Процесс этот уникален для исследовательских программ в гуманитаристике и более характерен для естественных наук, –

оказывается, что задачи, решаемые разными учеными в разных областях, сходны и что разрозненные труды складываются в общее направление [4].

Последние, идущие в авангарде (*cutting-edge*) исследовательские перспективы, задающие тональность современных дискуссий, связаны с возникновением постапоцентристской гуманитаристики. В центре постгуманистического интереса проблема композиции общего мира, объединяющего как людей, так и «не-человеков». Понятие глобального мира теряет актуальность, – локус концептуализации переносится на планетарную идентификацию и транскультурный локализм. Ключевыми вопросами становятся вопросы границ видовой идентичности, связи человека со средой, технологиями, вещами, животными, вопросы биовласти и биополитики [1].

Таблица 1.1. Идеи и концепты, циркулирующие в дискурсивном пространстве постгуманитаристики

70-е – 90-е годы Интерпретативно-конструктивистская парадигма <i>French Theory</i>	Начиная 90-ми годами Постантропологическая парадигма, постгуманитаристика <i>М. Деланда, Б. Латур, Дж. Урри, Дж. Ло, М. Каллон, Ф. Мейясу, Г. Харман...</i>
Институциональная критика	Проблематизация понятий «общества» и «социальности» – «мобильность»; «ассамбляжи»; «гетерогенное ассоциирование»; «гибридные онтологии»; «плоские онтологии»; «перевод»; «сционология трансляций»; «симметричная антропология»
Эмансипирующая гуманитаристика – тематизация «человека познающего» (<i>homo cognoscens</i>)	Экологическая и многовидовая гуманитаристика – тематизация «эмпатического человека» (<i>homo homo empathicus</i>); «эмансипация видов»; «новый материализм»; «новый эмпиризм»
«Лингвистический поворот» – коммуникативная рациональность»; «символический обмен»; структурализм; постструктурализм; семиотика; дискурс; психоанализ	«Спекулятивный поворот» – «великое Внешнее», «ингуманистическое просвещение»; «поворот к сложности»; исследования науки и технологии; био-концепты («биовласть», «биоколонизация», «биоценность»); трансгуманизм
Негативность – «катастрофа», «конец истории», «молчание»	Новое Просвещение – позитивность, «эмпатическая утопия», «критическая надежда», «новый витализм»
Кризис онтологии; критика позитивистской методологии; идеалов научной рациональности	Множественные эпистемологии; конструктивистский реализм; критика философий привилегированного доступа и корреляционизма; индогенизация академии
Политизация и эстетизация философии и науки	Проблематизация знания – «Какое знание нам нужно?»

Что такое социальное? Британский теоретик Д. Урри утверждает, что традиционное основание социологии – исследование общества – утрачивает свое значение в мире, где происходит постепенное стирание границ [5, с.58]. Представления о жестких социальных конструкциях неадекватны для осмысления «постсоциетальной» эпохи. Урри предлагает в

качестве исследовательской оптики – различные виды физического и виртуального движения и перемещения. В «социологии мобильностей» рассматриваются путешествия людей, идей, образов, объектов, сообщений, финансов через международные границы и анализирует влияние, оказываемое такими «мобильностями» на восприятие времени, пространства, жизни и гражданства. «Я показываю, как разнообразные виды мобильности преобразуют исторически сложившийся предмет социологии в ее западном варианте, который был направлен на изучение отдельных обществ и их основных характеристик. Я фокусирую свое внимание на том, как развитие различных глобальных сетей и потоков подрывает эндогенные социальные структуры, которые, как предполагалось в социологическом дискурсе, обладают способностью воспроизводить самих себя. Я ставлю под вопрос понятие социального как общества и хочу показать, что каково бы ни было его значение в прошлом, в будущем оно не сможет играть сколько-нибудь существенной роли в качестве организующего понятия социологического анализа. Я пытаюсь разработать новую повестку для социологии и выступить с манифестом по ее перестройке в эту «постсоциетальную» фазу» Урри [5, с.9]. «Мобильность» является центральным понятием проекта социологии британского учёного [6]. При помощи представления о системах мобильности, анализируя различные виды перемещений, – пешие и велосипедные передвижения, поездки на поездах, управление автомобилем, полеты на самолетах, воображаемые и виртуальные перемещения, – Урри описывает конституирование социальной жизни в масштабах исторических эпох. Социальные связи и социальные сети в «традиционном» социологическом понимании анализируются как требующие постоянной, систематической «работы» по их поддержанию, прежде всего через реальные или виртуальные встречи [7]. Пространство и время включаются в горизонт социологического теоретизирования посредством концептуализации мест встреч, инфраструктуры перемещений. Системы мобильностей определяют общее состояние социальной жизни, позволяют исследовать её модусы, проследить траектории и сценарии ее развития в будущем, с учетом тех ресурсов, которые требуются для их создания и поддержания в работоспособном состоянии [6].

Французский теоретик Б. Латур, разрабатывая проект «симметричной антропологии» [8], в котором ведёт полемику с модернистским различием природы и политики, проблематизирует понятие «человеческое» и предлагает концепт «Геи», – «красивой гипотезы о богине Гее, в которой земля объединяет все экосистемы в единый организм» [9], для интерпретации сети сложных отношений между человеком, нечеловеческим и планетой. В лекции «Композиционирование общих миров посредством искусства и политики», прочитанной во Французском институте Лондона, он проблематизирует масштаб осознания ответственности за планету, – как следует отнестись к вопросу, содержание которого слишком «велико» для нас? – и показывает, что в ежедневных рутинных практиках мы всегда можем найти ответ на то, каким образом этот масштаб «преодолевается» [10]. Одним из решений, – считает Латур, может стать внимательность к средствам, благодаря которым масштаб конституируется, и инструментам, благодаря которым возможна совместимость инстанций. Он предлагает буквальную, материалистическую интерпретацию парменидовой формулы «человек – мера всех вещей». Принципом акторно-сетевого подхода является отрицание каких-либо исходных предпосылок, определяющих контуры ситуации заранее, – недопустимо принятие существования предзаданного различия в масштабе отдельной человеческой жизни и планеты. Вместо этого предлагается обратить внимание на то, как непосредственно конструируется сам масштаб в режиме актуального времени, учесть все элементы такого конструирования. Этот принцип, как считает Латур, применим в ситуации экологического кризиса: не существует никакой иной Земли, кроме той, о которой мы знаем посредством конкретных дисциплин, инструментов, научных сетей. «Глобальный мир по определению не является глобальным, но, совершенно буквально, – моделью масштабирования, соединенной посредством надежных сетей с записывающими устройствами, в которых данные собираются и возвращаются к конструкторам. Это не релятивистская позиция, которая ставит под сомнение науку, но релятивистский принцип,

который способен объяснить прочность дисциплин, которые учреждают, воспроизводят и умножают эти соединения» [10, р.5]. Не существует способа избавиться от несоразмерности, кроме как не прояснить саму работу инструментов масштабирования, которые занимаются локальным производством глобального. Не существует чисто умозрительного эффекта увеличения: вещи не отсортированы по принципу вложения в друг в друга, – скорее, они отсортированы по типам связей и подключений. Латур поясняет, что традиционные теоретические средства не позволяют осуществить сборку всех входящих в ассоциации акторов. Между манипуляциями с электрической лампочкой в комнате и судьбой планеты существует огромный непреодолимый зазор: «Все ассамбляжи требуют медиаторов: спутников, датчиков, математические формулы и климатические модели, но также и национальных государств, сознания, морали и ответственности» [10, р.5].

«Эмансипация видов». Одним из вызовов, стоящих сегодня перед исследователями, занятыми в проектах экологической и многовидовой гуманитаристики, является критика гуманизма и антропоцентризма, связанная с идеями деантропоцентризации гуманитаристики. Речь при этом идёт не о том, чтобы вычеркнуть из исследований человека, но о том, чтобы отойти от гуманистического видения человека как меры всех вещей и центра исследовательских интересов и построить проект неантропоцентричной гуманитаристики. Завлается о необходимости пересмотра концепции человека и отношений с другими видами. «Определяющий критерий, отделяющий человека от животного, или даже от всей природы, сейчас ставится под сомнение различными способами, которые указывают на необходимость парадигмального поворота в исследовании отношений между человеком, животным и природой в целом, – отмечает Доминик Ла Капра, – Такой поворот не только бы обозначал отход от антропоцентризма, но и указывал бы на неадекватность «правильных» дискурсов, как человеческих, так и животных. Без простого возврата к традиционным идеям естественного права он мог бы привести к понятию базовых идей существ в интерактивной сети отношений, что ставит суверенитет под вопрос, включая государственный (или божественный) суверенитет, и требует комплексных, обоюдных переговоров между требованиями, а также ограничение разнообразных форм окончательных ответов» [11, р.189].

В работе о космополитизме Кваме Энтони Аппиа убеждает, что следует задуматься над тем, какие условия должны быть созданы для того, чтобы позволить людям привыкнуть к себе и сделать возможным их сосуществование даже в условиях конфликта [12].

Исследовательская перспектива, заявленная проектом «симметричной антропологии» Б. Латура, также предлагает изменение пирамидальной метафоры видения действительности на горизонтальную, в рамках которой разрабатываются «плоские онтологии». Примерами таких плоских альтернатив (*flat alternatives*) могут служить акторно-сетевая теория Б. Латура [Actor-Network Theory, ANT] [13], новая социальная теория М. Деланды [14], проект реляционной археологии Я. Годера [15]. Для них характерно развитие идей о сконструированности сообществ людьми и «не-человеками», общее неприятие социоконструктивистской максимы, тяготеющей к догматизму, гипостазированию социального детерминизма на все явления жизни. Идею симметричности сопровождают концепты «симбиотических собраний», «коллективов», «ассоциаций», «целостностей», «многовидовых сообществ» [16].

«Гуманитаристика и дальше остается эмансипирующей, при том, освобождение, о котором она говорит, уже касается не только людей, которые дискриминируются с точки зрения рассы, пола, класса, этнического происхождения или ценностей, а, прежде всего, – освобождения видов (*species emancipation*) из-под диктата сосредоточенного на своих интересах человеческого вида», – пишет Е. Доманская [1, с.156]. Человек тематизируется как *homo empathicus*. Теории конфликта заменяются теориями сотрудничества и совместного сосуществования, а доминирующее понятие травмы, как основы создания индивидуальной и коллективной идентичности, заменяется понятием эмпатии (*эмпатическая утопия*). Переосмысляются также видовые ограничения человека. Трансгуманистической парадигмой утверждается, что человек как вид неокончателен и возможно его усовершенствование

различным технологическими способами [17].

«Ингуманистическое просвещение». Одним из плодотворных представлений, способных предложить «реалистическую» оптику для организации новых фокусов исследований, является концепт «Великого Внешнего», разработанного Ж. Делёзом [18, с.279]. Так, М. Де Ланда, используя понятие «ассамбляжа», ссылается на работы Ж. Делёза и Ф. Гваттари, – в частности, к концепту «ризомы», в котором были переосмыслены представления о случайности и структуре и предложено новое понимание «негомогенной целостности» [14]. В классической органической интерпретации элементы отношений задаются исходя из целостности, которая, играя привилегированную роль, наделяет эти элементы функциональным значением. В атомистических версиях значимой представляется, напротив, уникальность и автономность каждого элемента, отношения между ними не имеют значения, а целостность является лишь их механической сборкой. Делёз понимает целостность в терминах экстерииорности отношений, в которые вступают её элементы. Целостности — это собрания, состоящие из индивидуальных составляющих (*и их экстерииорных отношений*), которые входят в симбиотические связи с другими целостностями, в которых господствуют иные отношения. Принцип экстерииорности отношений является основанием для концепции негомогенной целостности. Компоненты ассамбляжей сочетаются с элементами других ассамбляжей, сохраняя при этом автономию по отношению к целостности, которую они создали, – принципиальным моментом является то, что сами они могут оставаться неизменными, в то время, как меняются связи, т. е. отношения между элементами не являются необходимыми с точки зрения логики и не задаются логикой, но являются случайно обязывающими [14]. Джон Макгрегор Вайз интерпретируя делёзовское понимание ассамбляжа, пишет: «не знаем, что представляет собой целостность, пока не узнаем, что она может сделать, то есть как она функционирует» [19].

Концептуализация экстерииорности отношений, в которые вступают различные инстанции, отсылает, как ни парадоксально, к целому массиву человеческих практик, мировоззренческих парадигм и областям знания, которые раньше определялись как мистицизм, магия или находились в ведомстве религиозных институтов. Здесь, например, можно отметить разработку «коинседентального метода» Й. Реева [20]. «Материалистическая диалектика совпадений» ставит перед собой задачу концептуализации вопроса о совпадениях. Совпадение – основа всякой реальности, – утверждает Й. Реев, – однако реальность совпадения блокирована и отчуждена от самой себя. В результате подобного отчуждения совпадение либо редуцируется к мистическому, становясь проявлением скрытой и неуловимой закономерности, либо рассматривается как «случайное», как «просто совпадение» [20]. Для некоторых исследователей эта ситуация смещения интерпретационных рамок связывается с процессом фундаментальных изменения онтологического мышления, связанного, в том числе, и с процессом «индогенизации академии» [1, с.170]. «Что мы можем получить, помещая Т[радиционное] Е[кологическое] З[нание] – ориентированное знание в широко ориентированную систему знания, так это доступ к большому количеству информации и опыта, которые ранее игнорировались или трактовались как мистицизм. Дополнительное знание с его эмпирическим ударением на мире природы может обеспечить нас научно проверяемыми интуициями по наиболее актуальным проблемам, стоящих сегодня перед человечеством» [21, р.1339]. Радикальная исследовательская программа заявлена иранским философом Резой Нагерестани: нет ничего более внешнего, чем скрывающееся внутри; и тем, кто желает найти подлинно нечеловеческое, следует искать его в самой сердцевине человеческого, – таково центральное положение «ингуманистического просвещения» [22]. Человек есть нечто, что следует «расколоть». Ингуманизм противостоит как метафизическим трактовкам человека как некоей сущности, так и «анти-гуманизму» философий «великого внешнего», полагающих, что наиболее радикальным движением мысли является выход за пределы самих собой разумеющихся свойств «слишком человеческого».

Выводы. Высокая востребованность и важнейшая роль социогуманитарных наук сочетаются с их неудовлетворительным когнитивным состоянием, вынуждающим относить их к мягким или неблагополучным дисциплинам, противопоставлять жестким и благополучным, но только в данном отношении, естественным наукам. В то же время основная часть философской методологии относится к естествознанию, являясь преимущественно обобщением опыта развития физики, и практически не учитывает специфику социогуманитарного знания. Необходимо развитие специфической методологии этих наук, ибо проецирование на них философской методологии, отработанной на материале естественных наук, дополненной презумпцией о том, что социогуманитарные дисциплины, по сути, не имеют своей специфики, являются «недо-науками», находящимися на предпарадигмальной стадии и просто не достигшими свойственного естествознанию уровня развития, дает довольно нелепые результаты – в виде насильственного натягивания на них чужой одежды. Работы современных теоретиков, развертываются, таким образом, на фоне общей заинтересованности в проекте выработки собственной методологии гуманитарных наук.

Дальнейшее направление исследований. Вопрос, стоящий сегодня перед гуманитарными и общественными науками – каким должно быть позитивное знание о будущем в условиях глобальной миграции, катастроф природного происхождения, биотехнологический прогресс, который невозможно сравнить с тем, что до этого случалось в человеческой истории. «Техносфера, породившая и развивающая человечество, вступает в новейший этап – от индустриального мира, построенного на использовании преимущественно физических и химических природных процессов, она переходит в состояние киберкоммуникативного континуума, основой которого является использование биотехнологий и манипулирования веществом, – пишет украинский социолог В. Щербина, – От манипулирования веществом на макротелесном уровне человечество углубляется к манипулированию на уровне отдельных молекул и атомов. Эти изменения сопровождаются ростом масштабов совместной организованной деятельности людей и, соответственно, изменением характера такой организации, что приводит к трансформации социального мира» [23, с.177]. Возникновение новых теоретических горизонтов связано с проблематизацией знания, запрашиваемого в сегодняшней ситуации. Можем ли мы жить вместе и как такое сосуществование понять даже в ситуации конфликта? – вопросы, поднимаемые Б. Латуром в работе «Пересобирая социальное заново» [13]. Е. Доманская считает, что будущее гуманитаристики неразрывно связано с осмыслением будущего человеческого вида и жизни как таковой: «Нам нужно такое знание, такого типа познание, которое имеет survival value, т. е. служит охране и продолжению жизни» [2, с.202]. Ответы на все эти вопросы предполагают создание исследовательских программ нового типа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Доманська Є. Історія та сучасна гуманітаристика: дослідження з теорії знання про минуле / Є. Доманська. — К.: Ніка-Центр, 2012. — 264 с.
2. New Materialisms. Ontology, Agency, and Politics, ad. by Diana Cool and Samantha Frost. Durham and London: Duke University Press, 2010
3. Haraway D., «Situated Knowledges», Science Question in Feminism, 1999
4. Ямпольский М. Мир без большой теории? / «НЛО» 2011, №110
5. Урри Д. Социология за пределами обществ. — М.: НИУ ВШЭ, 2011, 336 с.
6. Урри Д. Мобильности Пер. с англ. А. В. Лазарева Вступ. статья Н. А. Харламова М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2012, 576 с.
7. Харламов Н. А. Вступительная статья к Урри Д. Мобильности
8. Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии / Пер. с фр. Д. Я. Калугина. — СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С. Петербурге, 2006. — 240 с.
9. Латур Б. Политика природы / Неприкосновенный запас, 2006, №2/46.
10. Latour B., Waiting for Gaia. Composing the common world through arts and politics, A

lecture at the French Institute, London, November 2011 for the launching of SPEAP (the Sciences Po program in arts & politics) Bruno Latour, Science Po.

11. Dominick LaCapra Reopening the Question of the Human and the Animal, in his, History and Its Limits Human, Animal, Violence. — Cornell: Cornell University Press, 2009, p. 248

12. Kwame Anthony Appiah Cosmopolitanism: Ethics in a World of Strangers Series: Issues of Our Time W. W. Norton & Company, 2007

13. Bruno Latour Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory / B. Latour. — Oxford: Oxford University Press, 2007. — 328 p

14. Manuel DeLanda, A New Philosophy of Society: Assemblage Theory and Social Complexity, Bloomsbury Academic; annotated edition edition, 2006, p. 150

15. Hodder Ian, Human-thing entanglement: towards an integrated archaeological perspective. — Journal of the Royal Anthropological Institute, Vol. 17, 2011, Issue 1, pages 154-177

16. Arturo Escobar, «The «Ontological Turn» in Social Theory: A Commentary on “Human Geography with-out Scale” by Sallie Marston, John Paul Jones II and Keith Woodward’, Transactions of the Institute of British Geographers, 32(1), 2007, pp. 106-11

17. Bostrom Nick «Transhumanist Values». — Review of Contemporary Philosophy, Vol. 4, 2005

18. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? (Перевод Зенкина с. Н.) — СПб: Алетейя, 1998, с. 279).

19. J. Macgregor Wise, Assemblage in Gilles Deleuze: Key Concepts, ed. by Charles J. Stivale, 2005, Acumen, Chesham: p. 77-87

20. Ревев Й. Коинсидентология: краткий трактат о методе. — Теоретическая серия, альманах «ТРАНСЛИТ», 2014

21. Raymond Pierotti and Daniel Wildcat 2000. TRADITIONAL ECOLOGICAL KNOWLEDGE: THE THIRD ALTERNATIVE (COMMENTARY), Ecological Applications, Vol. 10, no 5, October 2000, p. 1339

22. Reza Negarestani The Labor of the Inhuman, Part I: Human, Available at: <http://www.e-flux.com/journal/the-labor-of-the-inhuman-part-i-human/>

23. Щербіна В. «Кіберкомунікативний континуум як антропологічний чинник»/ В. Щербина. Методологічні проблеми культурної антропології та етнокультурології. Збірник наукових праць. — Інститут культурології НАМ України. — К: 2011. — с. 177-189

Прохоренко Евгения Яковлевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Института социальных наук Одесского национального университета им. И. И. Мечникова

УДК 316.259(477)

АНАЛИЗ АСПЕКТОВ ПРОЯВЛЕНИЙ ДЕВИАНТНОГО И ДЕЛИНКВЕНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

В Украине формируется новая социокультурная среда, которая базируется на социокультурных трансформациях. Статья посвящена изучению аспектов проявления девиантного и делинквентного поведения в сети Интернет. Отклонения могут происходить в сфере индивидуального поведения, они представляют собой поступки конкретных людей, запрещаемые общественными нормами. В киберпространстве мы можем наблюдать как проявления девиантного поведения, так и делинквентного (киберпреступность).

Ключевые слова: сеть Интернет, виртуальная реальность, киберпространство, девиантное поведение, делинквентное поведение, киберпреступность.